

Два источника, две составляющие архитектурных практик Казани (вторая половина XIX – начало XX века)

Г.Г.Нугманова, НИИТИАГ, Казань

Статья представляет собой обобщённый взгляд на архитектурные процессы в Казани во второй половине XIX – начале XX века. Казань, присоединённая к Русскому государству в 1552 году в результате покорения Казанского ханства, воспринималась имперской властью как центр завоёванного татарского государства и одновременно (по выражению Роберта Джераси) как «окно» России на Восток. Такой взгляд на бывшую «столицу большого царства» predetermined место города в структуре Российской империи, его особую цивилизаторскую миссию, связанную с продвижением «западной цивилизации» на «непросвещённый Восток». В XIX веке столица Казанской губернии стала центром учебного, военного и судебного округов. Проживавшие в городе татары-мусульмане являлись частью имперского просветительского проекта. В статье показано, что оба начала – имперское и татаро-мусульманское – явственно обнаружили себя в облике Казани, но в разном качестве. Первое сказалось в устойчивости классицизма, как правило, связывавшейся с «задержкой» этого стиля в провинции. В случае Казани эта приверженность классической традиции диктовалась скорее актуальностью идеи империи в завоёванном регионе и сохранявшейся потребностью визуализировать её архитектурно-градостроительными средствами. Второе отражало общие для эпохи явления, связанные с самоидентификацией народов и нациестроительством, неизбежно охватившие не только титульный русский народ, но и инородческое население Российской империи. Их проявлением стали впервые появившиеся общественные здания для татар и интерес к ориентальным формам, иллюстрирующий поиск архитектурного языка для демонстрации татарской национальной идентичности.

Ключевые слова: архитектурные практики, российская провинция, Казань, имперский город, Казанские татары, городское самоуправление, национальное возрождение, идентичность.

Two Sources and Two Components of the Kazan Architectural Practices (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)

G.G.Nugmanova, NIITIAG, Kazan

This article is a generalized view of the architectural processes in Kazan in the second half of the 19th and early 20th centuries. The city fell under the Russian state in 1552 after the conquest of the Kazan Khanate. The imperial center perceived Kazan both as the center of the captured Tatar state and as a window on the East (according to Robert Jeraci) at the same time. This view of the former "capital of the great kingdom" determined the place of the city in the structure of Russian Empire, and its special mission related to the promotion of the "western civilization" to

the "unenlightened East". In the 19th century, the capital of the Kazan province became the center of the educational, military and judicial districts. The city's Tatar-Muslim population was a part of the imperial enlightening project. The article shows that both the imperial and the Tatar-Muslim aspects emerged clearly in the city image during the period under review but in their own ways.

The imperial component manifested itself in the sustainability of the style of Classicism based on the relevance of the idea of Empire in the conquered region and the continued need to visualize it through architecture. The Tatar-Muslim aspect reflected the common phenomena of the era related to National building and self-identification of the peoples that gripped inevitably not only the titular Russian people but also other peoples of the Russian Empire. Public buildings designed for the Tatars and their interest to the oriental forms testifying to the search of the architectural language for demonstrating the Tatar national identity became the display of it.

Keywords: architectural practices, Russian province, Kazan, imperial city, Kazan Tatars, city self-governance, national revival, identity.

Казань, присоединённая к Русскому государству в 1552 году в результате покорения Казанского ханства, воспринималась имперской властью как центр завоёванного татарского государства и одновременно как «окно» России на Восток [1]. Такой взгляд на бывшую «столицу большого царства» predetermined место города в структуре Российской империи, его особую цивилизаторскую миссию, связанную с продвижением «западной цивилизации» на «непросвещённый Восток». В XIX веке столица Казанской губернии стала сначала центром огромного, простиравшегося от Волги до Дальнего Востока, учебного, затем – военного и судебного округов. Татары, проживавшие в пригороде Казани компактно и обособленно, являлись частью просветительского проекта. Эти два начала – имперское и татаро-мусульманское – составили два основных источника своеобразия архитектуры Казани Нового времени, не сводящегося к наличию мечетей. Цель данной работы – показать проявления этих двух начал во второй половине XIX – начале XX века, когда, действуя одновременно, они создали тонкую ткань исторической застройки города.

Архитектурно-градостроительный облик российских городов в рассматриваемый период в значительной степени определялся их экономическим благополучием, зависевшим от степени развития торговли и включённости в общероссийскую транспортную структуру. С российской сетью железных дорог Казань

была соединена только в 1893 году. Событие ознаменовалось формированием на окраине новой площади с величественным зданием вокзала. Появление в ходе проектирования фасада с куполом и высокими стройными башенками, вызывавшими прямые ассоциации с минаретами мечети, демонстрировало желание выразить в облике здания идентичность Казани, визуализировав её татаро-мусульманское происхождение (рис. 1)¹. Созданный в столице образ воспроизводил «европейский» ориентализм Российской империи эпохи Великих реформ, обладавшей «собственным» Востоком. Однако с присоединением Средней Азии теперь она выступала российским «Востоком» для общественного здания, а Казань сделалась «внутренним» городом, потребовавшим иного архитектурного выражения [2].

Как и везде, рост городской территории шёл за счёт окраин, где возникали крупные промышленные комплексы, среди которых немалое число принадлежало татарам. Здесь же за пределами исторического центра появились и новые храмы в русском стиле – Кирилло-Мефодиевская (1889), Макарьевская (1895), Смоленско-Седмиозёрная (1900), во имя Казанских святителей Гурия, Варсонофия и Германа (1909). Всплеск церковного строительства, охвативший со второй половины XIX века российские города в целях придания им черт русского города [3], Казань пережила в ходе восстановления города после пожара 1842 года, когда древние храмы были возобновлены в формах русско-византийского стиля с использованием проектов К.А. Тона.

Отвечая статусу университетского города, Казань пополнилась целым рядом новых учебных заведений. Современные образовательные комплексы Коммерческого, Соединённого технического, Епархиального женского училищ, Высших женских курсов и др. наполнили вновь разбитые кварталы Арского поля напротив здания Института благородных девиц середины XIX века. Появление университетских зданий за пределами старого городка на Воскресенской улице расширило присутствие университета в городском пространстве. Бактериологический институт (1896–1898), «Новые» клиники (1899–1901), студенческое общежитие (1903), психиатрическая клиника (1915) обрели своего рода второй университетский кампус. «Новые»

клиники (рис. 2), построенные по проектам К.М. Быковского, производили большое впечатление на казанцев: выполненные из красного кирпича, они напоминали им британские высшие учебные заведения и клиники, отождествлялись с прогрессом и соответствием уровню развития мировой науки [4, с. 36].

Появление в Казани специфических учебных заведений являлось следствием новой конфессиональной и русификаторской политики государства. Центральная крещено-татарская школа при Казанской духовной академии, хотя и была учреждена по частной инициативе, но оказалась в центре внимания центральных властей. Поддержка обер-прокурора Д.А. Толстого позволила её основателю Н.И. Ильминскому получить значительные государственные субсидии как на испытание уникальной миссионерской системы православного просвещения среди татар, так и на строительство собственного здания для школы. Возведённая в 1871 году, она являлась учреждением «вневедомственным, как результат частного, необязательного, христианского усердия разных ведомств» [5].

Два других учебных заведения, созданных в структуре Министерства народного просвещения с целью подготовки учителей земских и министерских школ в поселениях инородцев, отражали два разных подхода государства в вопросе «соединения инородческих племён с коренным русским народом». Казанская учительская инородческая семинария (рис. 3) предполагала культурную ассимиляцию путём христианского просвещения. Монументальное четырёхэтажное здание, показательно возведённое в 1872 году в Старой татарской слободе на месте печально известной гонимыми на инородцев и ликвидированной Екатериной II Новокрещенской конторы, символизировало определённую преемственность этих учебных заведений. Тщательность усилий христианизации татар-мусульман побудила власть перейти к тактике их интеграции через внедрение русского языка и светского образования. Учреждённая в 1876 году Татарская учительская школа разместилась в бывшей усадьбе Апаковых середины XIX века на главной Екатерининской улице слободы.

Появление коммерческих кварталов было типично для всех быстро развивающихся городов исследуемого времени. Однако Казань, где подобные центры деловой активности сконцентрировались вблизи Проломной улицы и Сенной площади в

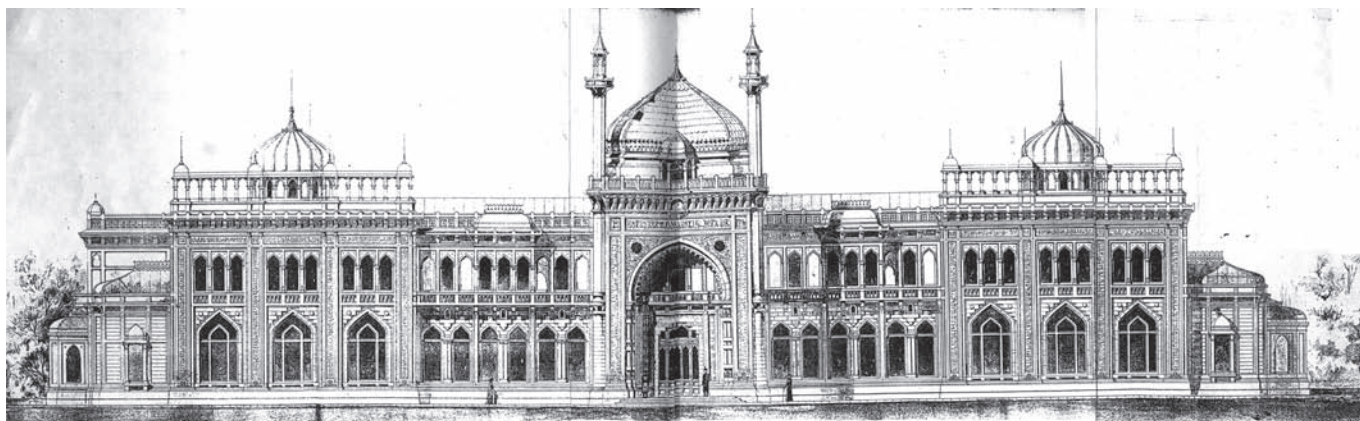

Рис. 1. Проект железнодорожного вокзала в Казани. Вариант фасада. РГИА. Публикуется впервые

татарской части города, стала, по-видимому, единственным в стране местом, где эти значимые общественные пространства сформировались по этническому признаку, отвечая имевшей чёткое пространственное выражение двухчастной структуре города с преимущественно русско-татарским населением. Они составили альтернативу общегородскому центру.

Между тем именно в облике главного парадного центра воплощался в первую очередь имперский образ российского города. В Казани его сложившийся в первой половине XIX века классицистический характер формировали ансамбли Богородицкого монастыря (рис. 4) и Воскресенской улицы с зданиями городской думы, гостиного двора, духовной семинарии, Казанского университета. Восходящие к идее империи образы классического Рима создавались в значимых пространствах города. Семантическая роль Богородицкого монастыря была связана с обретением иконы Казанской богородицы, ставшей покровительницей дома Романовых. Ансамбль, задуманный в 1809 году вокруг возведённого годом ранее по проекту И.Е. Старова собора, с окружённой колоннадой овальной площадью очевидно отсылал к самому известному памятнику христианского мира – площади Святого Петра в Риме. Однако ко второй половине XIX века этот проект был реализован лишь частично [6]. Завершённый ансамбль Казанского университета, созданный в 1820–1830-х годах П.Г. Пятницким и М.П. Коринфским, произвёл впечатление на самого императора Николая I, признавшего его «лучшим, какое ему когда-либо случалось видеть в этом роде» [7, с. 733]. Главная Воскресенская улица начиналась у Спасской башни кремля и здания городской думы, пространство перед которым с двух других сторон ограничивали северный корпус гостиного двора и расположенные ниже по склону горы строения Ивановского монастыря.

Во второй половине XIX столетия актуальность эстетики регулярного градостроительства в России выражалась в основном в консервации и поддержании сложившихся планировочных структур. В Казани, кроме того, концепт регулярности получил свежий импульс в завершении начатых и формировании новых ансамблей и живучести традиций классицизма. Так, при возведении в 1878 году вблизи университета нового Воскресенского собора на месте старой установки на классицистические формы, шедшая вразрез с общей ориентацией на русский стиль в церковном строительстве, была прописана в задании на проектирование.

В 1862 году настоятельница Богородицкого монастыря задумала завершить ансамбль по проекту 1810 года. Новый проект отсылал к первоначальному замыслу, а приложенная к нему копия с генерального плана Я.М. Шелковникова свидетельствовала о решимости следовать ему. Стремление было так сильно, что не поддавалось прямым указаниям столичных чиновников, призывавших проект составить «согласно настоящим потребностям монастыря и условиям местности и нисколько не стесняясь В[ысочайше] У[тверждённым] в 1810 году фасадом», терявшим свою силу по прошествии пятидесяти лет со времени утверждения. Симметричный существующему Никольскому собору Крестовоздвиженский корпус был возведён в 1883–1887 годах.

В отличие от других городов, обзаведшихся новыми зданиями городских дум в русско-народных формах, перестроенное в 1830–1840-х годы здание Казанского общественного самоуправления сохранило свой облик, отвечающий классицистическому образу Воскресенской улицы. Появившийся в начале 1880-х годов балконный портик ещё более усилил симметричность

Рис. 2. «Новые» клиники Казанского университета. Фото Г.Г. Нугмановой. 2016 год

Рис. 3. Учительская инородческая семинария. Фото конца XIX века (из архива автора статьи)

Рис. 4. Казанский Богородицкий монастырь. Фото конца XIX века (из архива автора статьи)

фасада. Отказавшись от обновления в народном духе, Казанская городская дума поддержала другое, получившее широкую поддержку начинание, постановив в 1881 году соорудить перед своим зданием памятник императору Александру II.

В свете этих намерений казанских властей очень своевременной оказалась предпринятая настоятелем Иоанно-Предтеченского монастыря инициатива по сносу расположенного напротив думы собора XVII века с последующим возведением на его месте нового. Редкий в русской архитектуре трёхшатровый храм был разобран несмотря на решительное возражение Московского археологического общества, признавшего в нём «замечательный памятник русского зодчества, который необходимо сохранить», и заключение такого авторитета как А.М. Павлинов [8]. Новый храм, построенный в 1887–1889 годах с «сохранением, по возможности, архитектуры старого», был сильно вынесен вперёд, архитектурно оформив южную сторону отчасти урегулированной таким образом площади. В 1895 году в центре её был установлен памятник «Царю-Освободителю» по победившему конкурсному проекту В.И. Шервуда. Среди прочих появившихся повсеместно монументов императору он выделялся бронзовыми фигурами зиланта, заимствованными из герба Казани². В том же году в обновлённом северном корпусе гостиного двора разместился городской музей, отмеченный угловой башенкой над входом, а сама площадь

Рис. 5. Площадь Александра II и Воскресенская улица. Фото начала XX века (из архива автора статьи)

Рис. 6. Сенная площадь. Фото конца XIX века (из архива автора статьи)

вскоре была названа «Александровской» (рис. 5). Так, к концу XIX века (впервые со времени реализации регулярного плана) в городе появилось общественное пространство административного назначения. Ансамбль парадного центра Казани получил своё завершение, воплотившись как в старых доведённых, так и новых проектах. Его «классицистичность» вновь проявилась в начале XX века, в частности, в облике здания Казанского отделения Государственного банка России (1914–1915). Неоклассический фасад общенационального учреждения превалировал на конкурсе, предлагавшем в том числе варианты, выполненные в формах получившего распространение для этого типа зданий неорусского стиля.

Другим источником своеобразия архитектуры Казани были её татарские кварталы. Во второй половине XIX – начале XX века они претерпели кардинальные изменения, став своего рода «городом в городе». Наиболее явно эти изменения проявились в облике мечетей, воспроизводивших на основе имперского образцового проекта образы «настоящего Востока» – Египта (Бурнаевская, 1872; минарет, 1895), Турции (Азимовская, 1889–1890) и Средней Азии (Бухарская, реконструкция 1905–1906)³. Движущей силой этих преобразований стало сплотившееся в результате смены политического курса татаро-мусульманское население, возглавляемое финансово обеспеченной и идеологизированной национальной буржуазией, к тому же имевшей теперь собственных представителей в органах местной власти.

Коммерческая и деловая жизнь казанских татар концентрировалась вблизи торговой Сенной площади (рис. 6), сложившейся в соответствии с регулярным планом 1768 года и полностью обновлённой в 1860–1910-х годах. На месте торговых усадеб с лавками в первом этаже выросли двух- и трёхэтажные доходные здания с магазинами и гостиничными номерами. Возведённый в 1860 году купцом З.Б. Усмановым на самой площади каменный Г-образный в плане «усмановский» корпус с 45-ью «номерами» лавок заменил ряды одноэтажных деревянных лабазов. Надстроенный в 1888 году, он был вроде татарского гостиного двора. Появились на площади и такие приметы современности, как кинотеатры. Сходный по архитектуре с другими торговыми пространствами города облик татарской площади отличали, помимо специфических товаров (татарская кожаная обувь), колоритные вывески с упоминанием татарских фамилий, местных топонимов и восточных заведений – «Апанаевское подворье», номера «Булгар», «Караван-сарай» и т.п. [9].

Однако с Сенной площадью сопряжено другое, выходящее за рамки просто архитектурно-градостроительного образования и её торговой функции явление: в 1880–1910-х годах она стала центром всей общественно-политической и культурной жизни татар. Впервые возникшая в татарском обществе потребность в общественных зданиях за неимением таковых удовлетворялась за счёт расположенных здесь доходных домов. В гостиничных

² Государственный архив Республики Татарстан – далее ГАРТ. Ф. 98. Оп. 2. Д. 2412.

³ По теме мусульманского зодчества Казани см., напр.: Н.Х. Халитов. Архитектура мечетей Казани. – Казань, 1991; Он же. Мечеть и ее архитектура. – Казань, 1994 и др.

номерах обосновались редакции многочисленных газет и журналов (особенно после 1905 года) и интеллигенция, много думавшая и говорившая в те годы о судьбах татарской нации.

Особая роль Сенной площади в жизни татар связана с реализацией регулярного плана 1768 года, радикально изменившего судьбу Старой татарской слободы Казани, появившейся в пригороде вскоре после казанского завоевания. По этому плану площадь была назначена на месте мусульманского кладбища, а ров, отделявший город от предместья, проложен прямо по территории слободы, разделяя её на две части. Первая с запланированной торговой площадью оказывалась при этом в составе города, и предполагалось, что её будут застраивать русские жители. Татарам же предписывалось переселиться в расположенную в предместье новую Старо-Татарскую слободу, которую предстояло застроить регулярными кварталами. Однако с самого начала восточную сторону Сенной площади формировали торговые лавки татарских купцов, поскольку вопреки плану татарские кварталы не исчезли из этой части города. Проживавшие здесь татары после разделения старой слободы не переселились на отведённое им место в предместье, а остались, образовав самостоятельный мусульманский приход. Усадьбы татар заполнили разбитые по плану правильные кварталы, в одном из которых в 1798 году появилась каменная мечеть с фасадами в господствующем стиле раннего классицизма. В 1818 году купеческая вдова Габида Китаева ходатайствовала о постройке здесь ещё одной мечети, назвав это место «старо-татарской слободой»⁴.

Указание на физически не существующее поселение в полностью трансформированном городском пространстве показательно. Эта территория продолжала в сознании жителей оставаться Старой татарской слободой, являя пример консерватизма массового сознания как в вопросах топонимики, так и в целом в восприятии жизненного пространства. Осознание места, веками передававшееся из поколения в поколение, сохранялось в коллективной памяти населения. Дошла она через городскую топонимику – «Татарской» называлась в 1883–1885 годы одна из расположенных здесь улиц. Живучесть в памяти народа образа древнего мусульманского кладбища, когда жители фиксировали расположение могил своих дедов и прадедов, «привязывая» их к современной застройке, отмечал в это время Ш. Марджани [10, с. 206–207].

Сакральность места обусловила целенаправленное вытеснение русского населения и распространение татарских кварталов. Большое количество владений скупил после пожара 1859 года З.Б. Усманов, добившись и регистрации здесь еще одного мусульманского прихода. Строительство мечети вблизи православного храма спровоцировало серьёзный конфликт, потребовавший вмешательства центральных властей. В начале XX века на Сенной площади татарам принадлежали практически все расположенные здесь владения. Татары владели домами и в других частях города – на Воскресенской, Проломной, Вознесенской улицах, лавками в Гостином Дворе и на Хлебной площади.

Но важно то, что в районе Сенной площади была фактически территориально воссоздана прежняя Старо-татарская слобода. Сама площадь сыграла важную роль в татарских общественных движениях конца XIX – начала XX века, став символом национального возрождения.

Татарская буржуазия, впервые получившая в результате реформы 1870 года возможность открыто воздействовать на русскую администрацию в интересах своего народа, проявляла исключительную активность благодаря имевшемуся почти вековому опыту общественного самоуправления и коллегиального решения вопросов в татарской ратуше (1781–1855). Однако, ввиду общего ограничения полномочий городских органов общественного самоуправления в Российской империи хозяйственными вопросами татарские представители в думе сосредоточили свои усилия на решении двух основных задач. Проблемы благоустройства татарских кварталов и светского образования стали ареной борьбы за нечто большее, связанное с общими правами татарского народа, реализуемыми через создание равных условий существования [11, с. 41].

Окраинное расположение татарских слобод, длительное, ставшее привычным для русской власти обособленное проживание самой татарской общины и малочисленность татар в органах власти ввиду имевшейся квоты для нехристиан, не позволили добиться больших результатов в области благоустройства. Так, многолетняя борьба развернулась вокруг уличного освещения. Вопрос о замене в Старо-татарской слободке керосиновых ламп электрическими гласный А.Я. Сайдашев поднял в 1895 году одновременно с введением в действие первой электрической станции. В 1909 году проект перевода уличного освещения с газово-керосинового на электрическое, наконец, охватил, благодаря настойчивости М.Б. Абдрахимова, кварталы с татарским населением. Однако и в 1913 году М.А. Сайдашев выражал возмущение тем, что вместо принятого постановлением думы освещения Екатерининской улицы в Старо-татарской слободе керосинокалильные фонари были установлены в Академической слободе в русской части города. Сложно давалось и проведение в слободы трамвайного сообщения. Тем не менее за счёт городского бюджета удалось провести водопровод в отдалённую Новую татарскую слободу, а в Старой – озеленить Юнусовскую площадь и заасфальтировать Евангелистовскую и Екатерининскую улицы [12, с. 140; 13, с. 207; 14, с. 53].

Инициированная в 1870 году государством реформа татарского образования, предполагавшая преподавание на русском языке по программе начальных училищ и подчинение Министерству народного просвещения, расколола татарское сообщество на её противников и сторонников, увидевших в ней перспективы развития нации. Помимо религиозных школ при мечетях – мектебе и медресе, – появилась сеть светских русско-татарских школ. По причине ограниченности городского бюджета все начальные школы Казани располагались первоначально в съёмных помещениях частных жилых домов. Только в 1910-х годах появились два городских училища, возведённые на улицах Пушкинской и Второй горы по специально разработанным в строительном

⁴ ГАРТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23. Л. 653.

отделении городской управы типовым проектам. Для татар же в 1913 году был приобретён и приспособлен один из лучших особняков Старо-татарской слободы, в котором разместились мужское и женское училища⁵.

Образовательная реформа сказалась и на внешнем облике конфессиональных школ при мечетях, содержавшихся за счёт жертвователей. Прежде располагавшиеся в малозаметных строениях непосредственно при мечетях либо поблизости, они стали приобретать выраженный характер общественных зданий с эффектными фасадами в формах классицизма или кирпичного стиля. Выстроенное купцом З.Б. Усмановым в 1867 году одновременно с мечетью медресе «Усмания» ещё незначительно отличалось от окружающей жилой застройки⁶. Совсем иной тип представляли учебные здания при старейших мечетях Казани – Апанаевской и Юнусовской, возведённые в 1877 и 1880 годы соответственно, с протяжёнными симметричными фасадами и выделенными центрами (рис. 7).

Архитектура комплекса «Мухаммадия» при Пятой соборной мечети отражала борьбу противников реформы и её сторонников. Учреждённое в 1883 году новометодное медресе существовало параллельно с традиционным, разместившись в отдельном корпусе, примкнувшем к старому строению, в сносе которого старший ахун отказал своему проводившему реформы оппоненту – второму мулле мечети. Финансируемое разными благотворителями здание строилось в четыре этапа: первоначально одноэтажное, оно надстраивалось в 1885-ом и 1886 годах, а в 1901 году был возведён основной трёхэтажный корпус⁷. Создатель медресе нового типа мулла Галимджан Баруди, убеждённый, что прогресс мусульманского мира невозможен без приобщения его к достижениям мировой цивилизации, обеспечил в нём «европейские» условия. Оборудованные учебные кабинеты, классы, снабжённые столами, досками, кафедрами, картинами и наглядными пособиями, благоустроенное обще-

⁵ ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 2276.

⁶ ГАРТ. Ф. 2. Оп. 15. Д. 312.

⁷ ГАРТ. Ф. 98. Оп. 4. Д. 53; Там же. Ф. 98. Оп. 6. Д. 251. Л. 23-25; Там же. Ф. 98. Оп. 2. Д. 1078. Л. 152.

Рис. 7. Медресе «Марджания» при Юнусовской мечети. Фото середины XX века (из архива автора статьи)

житие, мастерские, стадион, превращавшийся зимой в каток, отвечали общей, непривычно свободной для конфессиональной школы обстановке учебного заведения, где выпускались рукописные газеты и журналы, ставились спектакли.

Происходившие в обществе перемены способствовали развитию татарской светской культуры. Растущий спрос на книжную и газетную продукцию вызвал появление многочисленных типографий с звучными названиями: «Баян эль-Хак» («Изложение истины»), «Юл» («Путь»), «Миллят» («Нация») и др. Многие из них располагались в наспех приспособленных съёмных помещениях доходных домов, но со временем для них стали строиться особые здания. Типография «Миллят», специализировавшаяся на издании литературы для новометодных медресе, начала функционировать в 1908 году. Дата её основания была выложена кирпичом арабской вязью на фасаде здания. Выделялся своей архитектурой в стиле модерн книгоиздательский и торговый комплекс, принадлежавший братьям Мухаметзяну и Шарифзяну Каримовым (рис. 8). Открытые в 1900 году типография и словолитня первоначально располагались в угловом строении 1883 года, к которому со стороны улиц примкнули два здания – магазин с большими витринными окнами и трёхэтажный производственный корпус, возведённые в 1907-ом и 1910-ом годах соответственно. В угловом здании разместилась первая общественная библиотека для татар «Китапхана Исламия» с читальным залом на 150 мест [11, с. 91].

По примеру русских клубов – Дворянского и Купеческого собраний, был учреждён Восточный клуб для татар. Первоначально размещавшийся в номерах «Булгар» и доме Сабитовых на озере Кабан, он в 1910 году переехал в собственное трёхэтажное здание. В перестроенном доме купца Карима Апанаева с гардеробом, зрительным залом на 150 человек, библиотекой, комнатами для заседаний правления и игр в лото читали лекции, проводили диспуты, ставили спектакли, в том числе на русском языке, организовывали праздники, планировали создание национального музея [11, с. 94–95]⁸. Новые общественные здания демонстрировали изменение векового патриархального уклада жизни нации, её приобщение к духовным достижениям мировой цивилизации.

Рис. 8. Книгоиздательский комплекс братьев Каримовых. Фото Г.Г. Нугмановой. 2019 год

Успех имперской интеграции второй половины XVIII – первой половины XIX века привёл к тому, что татарские кварталы внешне не отличались от русской части города [15]. Со второй половины XIX столетия по мере роста национального самосознания зарождается потребность подчеркивать внешними средствами татарскую особость, потерявшую прежний самоочевидный характер. Сознательное отношение к «татарскости» складывается на рубеже XIX–XX веков, когда умами татарской буржуазии и появившейся интеллигенции овладевает идея национального возрождения. В архитектуре оно выражается через национальные мотивы, прежде чуждые фасадам татарских домов, воспроизводивших столичные образцовые проекты. Новыми деталями оформления стали надписи арабской вязью на фронтонах, эркеры, многослойные сталактитообразные консоли, цветная расстекловка, килевидные проёмы. Это был художественный язык европейского ориентализма – фантазии о «Востоке», – приспособленный татарским сообществом для выражения собственной «восточной» инаковости.

Иное представлял случай так называемого дома Шамиля, построенного в 1903 году Марьям Шамиль-Апаковой – женой сына легендарного имама Шамиля, генерал-майора Мухаммад-Шаги Шамиля. Татарскость здесь определялась не через приверженность обычаям, а через сознательный выбор. Этот выбор проявился в желании построить дом именно в старой татарской слободе, а не в дворянских «русских» кварталах города, а также в том, что здание, возведённое архитектором в рамках европейского стиля модерн, было перегружено демонстративно ориенталистскими мотивами. На первый взгляд это был тот самый «ориентализм», о котором позднее писал Эдвард Саид: фантастическое представление о сути «Востока» как объекте воображения европейцев [16]. Но в реальности заказчиками здания были вполне сознательные субъекты «восточного» происхождения. Воспринимая европейскую культуру как универсальную и «ничью» в отдельности, Марьям Шамиль-Апакова использовала её для выражения своей национальной особости.

Вероятно, с течением времени в архитектуре Казани могло сложиться татарское национальное стилевое направление, но социальная революция 1917 года направила развитие по иному пути. К этому моменту даже в умах татарской интеллигенции не успели сформироваться чёткие представления о современном национальном стиле в архитектуре. Так, писатель Фатих Амирхан, опубликовавший в 1909–1910-х годах несколько фантастических рассказов о будущем татарского народа, описывает здания в весьма общих выражениях: «как бы в европейском стиле, однако украшенных лучшим из того, что могло дать искусство Востока» [17, с. 128]. Эта фраза идеально описывает «дом Шамиля» как архитектурное выражение определённого этапа череды взаимных отражений имперской культурной метрополии и провинции: когда местное своеобразие начали сознательно формулировать на языке нового канона универсалистской культуры, но ещё не выработали собственный оригинальный язык для выражения этого своеобразия.

Исследование показало, что оба начала – имперское и татаро-мусульманское – явственно обнаружили себя в архитектурных процессах в Казани во второй половине XIX – начале XX века, но в разном качестве. Первое сказалось в устойчивости классицизма, продиктованной актуальностью идеи империи в завоёванном регионе и сохранявшейся потребностью визуализировать её архитектурными средствами – в его пользу работала сила традиций. Второе отражало общие для эпохи явления, связанные с самоидентификацией народов и нациестроительством, неизбежно охватившие не только титульный русский народ, но и инородческое население Российской империи. Его проявлением стали впервые появившиеся общественные здания для татар и интерес к ориентальным формам, иллюстрирующий поиск архитектурного языка для демонстрации татарской национальной идентичности.

Литература

1. Джераси, Р. Окно на Восток : империя, ориентализм, нация и религия в России / Р. Джераси. – М. : НЛО, 2013. – 548 с.
2. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2. Балансирование имперской ситуации. XVIII – XX вв. / Под ред. И. Герасимова. – Казань : Ab Imperio, 2017. – 630 с.
3. Кириченко, Е.И. Градостроительство России середины XIX – начала XX века / Под ред. Е.И. Кириченко. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – Кн. 1. – 340 с.
4. Вишленкова, Е.А. «Terra Universitatis». Два века университетской культуры в Казани / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань : Казанский университет, 2005. – 500 с.
5. Исхаков Р.Р. Просветительско-миссионерская концепция Н.И. Ильминского в образовательной системе пореформенной Казани / Р.Р. Исхаков // Образование и просвещение в губернской Казани / Отв. ред.: И.К. Загидуллин, Е.А. Вишленкова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – Вып. 2. – 304 с. – С. 126–138.
6. Нугманова, Г.Г. История планировки и строительства Казанского Богородицкого монастыря / Г.Г. Нугманова // Памятники русской архитектуры и монументального искусства / Отв. ред. Е.Г. Щеболева. – М. : Наука, 2010. – Вып. 8. – 581 с. – С.172–216.
7. Бенкендорф, А.Х. Дополнения ко второму тому // Н.К. Шильдер. Император Николай I. Его жизнь и царствование. – СПб, 1903. – Т. 2.
8. Азлецкий, П. Описание Иоанно-Предтеченского мужского монастыря в городе Казани / П. Азлецкий. – Казань, 1898.
9. Нугманова, Г.Г. Сенная площадь в Казани: история формирования / Г.Г. Нугманова // Татарские слободы Казани: очерки истории / Отв. ред.: Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов. – Казань : Изд-во Института истории АН РТ, 2002. – 304 с. – С. 80–131.
10. Марджани, Ш.Б. Мустафадель-ахбар фи ахвали казан ва Болгар / Ш.Б. Марджани. – Казань : Татарское книжное издательство, 1989. – 415 с.
11. Салихов, Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. / Р.Р. Салихов. – Казань : Мастер Лайн, 2001. – 124 с.
12. Журналы и протоколы заседаний КГД за второе полугодие 1895 г. – Казань, 1896.

⁸ ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 3207.

13. Журналы и протоколы КГД за 1909 г. – Казань, 1911.
14. Журналы КГД и доклады управы за апрель 1913 г. – Казань, 1913.
15. Нугманова, Г.Г. Российская власть, европейская модель, татарская традиция: трансформация городского пространства Казани и свобода выбора в рамках государственной регламентации/ Г.Г. Нугманова // *Ab Imperio* / Отв. ред. И.В. Герасимов. – М., 2016. – № 3. – С. 76–117.
16. Саид, Эдвард. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб : Русский Мир, 2006. – 640 с.
17. Амирхан, Фатих. На перепутье / Ф. Амирхан. – Казань : Татарское книжное издательство, 1979. – 334 с.

References

1. Dzherasi R. Okno na Vostok: imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii. [Window on the East: Empire, orientalizm, nation and religion in Russia]. Moscow, NLO, 2013, 548 p. (In Russ.).
2. Novaya imperskaya istoriya Severnoj Evrazii. CHast' 2. Balansirovanie imperskoj situacii. XVIII – XX vv. [New Imperial History of North Eurasia. Balancing the imperial situation. XVIIIth – XXth centuries]. Gerasimov I.V. (ed). Kazan, Ab Imperio, 2017. 630 p. (In Russ.).
3. Kirichenko E.I. Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka [Urban planning in middle XIX – beginning of XX centuries Russia]. Kirichenko E.I. (ed). Moscow, Progress-Traditsiya, 2001, 340 p. (In Russ.).
4. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. "Terra Universitatis". Dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani ["Terra Universitatis". Two centuries of the university culture in Kazan]. Kazan', Publ. Kazan university, 2005, 500 p. (In Russ.).
5. Iskhakov R.R. Prosvetitel'sko-missionerskaya kontseptsiya N.I. Il'minskogo v obrazovatel'noi sisteme poreformennoj Kazani [Il'minskii's enlightening and missionary concept in the educational system of post-reform Kazan]. In Zagidullin I.K., Vishlenkova E.A. (eds) *Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoj Kazani* [Education and enlightening in Provincial Kazan]. Kazan', Publ. Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2009, pp. 126–138. (In Russ.).
6. Nugmanova G.G. Istoriya planirovki i stroitel'stva Kazanskogo Bogoroditskogo monastyrya [The history of planning and building of the Kazan Mother of God Monastery]. In Shcheboleva E.G. (ed). *Pamyatniki russkoj arkhitektury i monumental'nogo iskusstva*

[Monuments of Russian architecture and monumental art]. Moscow? Nauka, 2010, pp. 172–216. (In Russ.).

7. Benkendorf A.Kh. Dopolneniya ko vtoromu tomu [Additions to the second volume]. In Shil'der N.K. *Imperator Nikolai I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I. His life and reign]. Saint Petersburg, 1903. (In Russ.).
8. Azletskii P. Opisanie Ioanno-Predtechenskogo muzhskogo monastyrya v gorode Kazani [Description of John the Baptist Monastery]. Kazan', 1898. (In Russ.).
9. Nugmanova G.G. Sennaya ploshchad' v Kazani: istoriya formirovaniya [Sennaya Square in Kazan: history of formation]. In Salikhov R.R, Khairutdinov R.R (eds) *Tatarskie slobody Kazani: ocherki istorii* [Tatar settlements in Kazan: history essays]. Kazan', Publ. Instituta istorii AN RT, 2002, pp. 80-131. (In Russ.).
10. Mardzhani Sh.B. Mustafadel'-akhbar fi akhvali kazan va Bolgar [A goldmine of information about the affairs of Kazan and Bulgar]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 415 p. [in Tatar].
11. Salihov R.R. Tatarskaya burzhuziia Kazani i natsional'nye reformy vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Tatar bourgeoisie of Kazan and national reforms of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Kazan', Master Lain, 2001, 124 p. (In Russ.).
12. ZHurnaly i protokoly zasedanii Kazanskoj gorodskoj dumy za vtoroe polugodie 1895 g. [Registers and depositions of the Kazan municipal council for the second half of 1895]. Kazan', 1896. (In Russ.).
13. ZHurnaly i protokoly zasedanii Kazanskoj gorodskoj dumy za 1909 g. [Registers and depositions of the Kazan municipal council for 1909]. Kazan', 1911. (In Russ.).
14. ZHurnaly Kazanskoj gorodskoj dumy i doklady upravly za aprel' 1913 g. [Registers of the Kazan municipal council and reports of town halls for april of 1913]. Kazan', 1913. (In Russ.).
15. Nugmanova G.G. Rossiiskaya vlast', evropeiskaya model', tatarskaya traditsiya: Transformatsiya gorodskogo prostranstva Kazani i svoboda vybora v ramkakh gosudarstvennoi reglamentatsii [Russian power, European model, Tatar tradition: transformation of the Kazan city space and freedom of choice within the framework of state regulation]. *Ab Imperio* [Ab Imperio], 2016, no. 3, pp. 76–117. (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Said E.W. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalizm. Western conceptions of the Orient]. Saint Petersburg : Russkii Mir, 2006. 640 p. (In Russ.).
17. Amirhan Fatih. Na pereput'e [At a crossroads]. Kazan' : Publ. Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. 334 p. (In Russ.).

Нугманова Гульчачак Гилемхановна (Казань). Кандидат искусствоведения. Ведущий научный сотрудник филиала ЦНИИП Минстроя России Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (1024, Москва, ул. Душинская, 9. НИИТИАГ). Эл. почта: gulchachak.n@gmail.com.

Nugmanova Gulchachak Gilemkanovna (Kazan). Candidate of History of Arts. Leading Researcher at the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (9 Dushinskaya st, Moscow, 111024. NIITIAG), branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (TsNIIP). Al. Email: gulchachak.n@gmail.com.